

К вопросу об эффективности судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних

Д.А. Кокова

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет
им. Х.М. Бербекова», г. Нальчик

Автором предпринята попытка выявить и исследовать некоторые аспекты, характеризующие признак эффективности судебной защиты в контексте обеспечения прав и интересов несовершеннолетних при рассмотрении судами споров, затрагивающих интересы последних. В частности, в статье исследуются материальные и процессуальные нормы, подлежащие применению при рассмотрении судами дел о расторжении брака супругов, имеющих общих детей. При этом автор подчеркивает, что отсутствие спора об определении места жительства и порядка общения ребенка с родителями (одним из них) при расторжении брака родителей зачастую сопровождается нарушением прав и интересов ребенка, в том числе, права ребенка быть выслушанным на судебном заседании, права на общение с каждым из родителей и др. Проведенное исследование позволило автору сделать вывод о формальном и фактическом приоритете прав и интересов супругов-родителей, расторгающих брак, а также выразить сомнения в эффективности судебной защиты прав и интересов ребенка при рассмотрении судами дел о расторжении брака его родителей.

Ключевые слова: *семейные правоотношения, интересы ребенка, эффективность судебной защиты, споры о детях, расторжение брака.*

Вопросы, связанные с применением семейного права, всегда составляли особую сферу социально-правового характера, представляющую интерес как с точки зрения теории права, так и в контексте формирования правоприменительной практики. Правовое регулирование отношений между членами семьи, с одной стороны, имеет значение для каждого индивидуума с позиций обеспечения его прав и свобод во взаимоотношениях с другими членами семьи. Но, с другой стороны, соответствующие социальные связи и возникающие на их основе правоотношения нуждаются в теоретическом исследовании, прежде всего с целью выявления и обоснования сути семейных правоотношений, характера осуществления семейных прав и исполнения семейных обязанностей.

При этом нельзя оставлять без внимания тот факт, что именно семейное право обладает некой дуалистической природой, будучи отраслью частного права, зачастую представляя собой при этом область влияния и пристального внимания со стороны государства.

Современный период формирования отечественного законодательства характеризуется усилением акцента на всесторонней поддержке семьи, предполагая формирование вектора духовно-нравственного развития основ построения семейных правоотношений, что демонстрирует реализацию задач, обозначенных Президентом Российской Федерации В.В. Путиным (Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 [5]; Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875) [6]. Соответствующие вопросы активно обсуждаются и на страницах юридической печати [14].

В соответствии со ст. 38 Конституции Российской Федерации [2] материнство и детство, семья находятся под защитой государства, что очередной раз дает основание подчеркнуть вышеупомянутую особенность семейно-правового регулирования, а именно: влияние публично-правовых начал в сфере правового регулирования отношений между членами семьи. Безусловно, соответствующая защита имеет место и при рассмотрении судами дел, возникающих из семейных правоотношений. В то же время обозначенный государством вектор на укрепление и защиту семьи, сохранение традиционных семейных ценностей предполагает исследование имеющихся материальных и процессуальных гарантий достижения соответствующих целей при рассмотрении судами дел о расторжении брака, статистика по которым характеризуется относительной стабильностью.

Весьма актуален в настоящее время и вопрос применения форм и способов защиты семейных прав, а также семейных ценностей, что находит подтверждение в материалах судебной практики по рассмотрению как непосредственно семейно-правовых споров, так и иных споров, тесно взаимосвязанных с семейными правоотношениями. Несмотря на сложившуюся судебную практику, некоторые положения соответствующего Обзора судебной практики [8] и постановления Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 [7] в постоянном режиме актуализируются Верховным Судом РФ. В частности, в Обзоре судебной практики № 1 за 2024 г. подчеркивается, что при разрешении вопроса о разлучении ребенка с одним из родителей и определении места жительства несовершеннолетнего с другим из родителей суду следует принимать во внимание, прежде всего, «необходимость наилучшего обеспечения интересов ребенка», сохранение «возможности другого родителя полноценно общаться с ребенком, а также принимать участие в его воспитании без каких-либо ограничений». На наш взгляд, в связи с этим особую теоретическую и практическую значимость приобретает вопрос эффективности судебной защиты прав и интересов членов семьи при рассмотрении отдельных категорий дел.

В соответствии со ст. 8 Семейного Кодекса Российской Федерации [4] (далее – СК РФ) защита семейных прав производится в судебном

порядке по правилам гражданского судопроизводства. Несмотря на существующие проблемы в вопросах определения подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений (например, рассмотрение дел, связанных с воспитанием детей, в судах общей юрисдикции и одновременно рассмотрение мировыми судьями дел, связанных с алиментированием), или же проблемные вопросы рассмотрения дел, связанных с разделом супругами совместно нажитого имущества при банкротстве одного из них, где арбитражные суды конкурируют с судами общей юрисдикции при определении подведомственности, все-таки возможность именно судебной формы защиты нарушенных прав и интересов членов семьи остается приоритетной [12]. В то же время, по нашему мнению, наличие названных и иных проблем лишь обосновывает актуальность заявленного нами вопроса эффективности судебной защиты семейных прав граждан, причем прав и интересов всех членов соответствующей семьи, а не только истца или иных участников семейно-правового спора.

В науке семейного права вопросы судебной защиты исследуются, как правило, на примере отдельных категорий дел [20]. Весьма активно в настоящее время ученые и практики дискутируют о возможности/необходимости и специфике применения примирительных процедур, в том числе медиации, при разрешении судом споров, возникающих при расторжении брака супругов, имеющих несовершеннолетних детей [15]. Несмотря на обоснованные опасения и возражения многих ученых, практика применения медиации при разрешении семейно-правовых споров, которые в том числе уже являются предметом судебного разбирательства, формируется, а иногда и с положительными последствиями в виде сохранения брака и комфортных семейных отношений. В то же время, по нашему мнению, такая правоприменительная практика лишь усиливает значение именно судебной защиты семейных прав граждан, обеспечения ее эффективности для всех членов семьи, которых так или иначе затрагивает соответствующий спор.

В рамках настоящей статьи предлагаем обратиться к проблемам судебной защиты семейных прав граждан с точки зрения эффективности соответствующих форм и способа (обращения с иском в суд), избранных для защиты прав и интересов членов одной семьи одним из них. На наш взгляд, наиболее удачной для достижения цели станет такая распространенная категория дел, как расторжение брака, сопровождающееся спором об определении места жительства несовершеннолетнего ребенка супругов и порядка общения с ребенком родителя, который будет проживать отдельно.

Как известно, одним из основных начал семейного законодательства является принцип равенства прав родителей, подразумевающий, что каждый из них имеет право воспитывать

ребенка, право на общение с ним, право на защиту прав и интересов ребенка, а также иные родительские права и обязанности в равном объеме при наличии и равных возможностей в их осуществлении/исполнении.

Напомним, что в соответствии со ст. 21 СК РФ, брак расторгается в суде, если у супругов есть общие несовершеннолетние дети либо один из них возражает против расторжения брака или же не возражает против расторжения брака, но уклоняется от соблюдения соответствующей процедуры в органах загса. Безусловно, вариации оснований, определяющих судебный порядок расторжения брака, могут быть разные. Предлагаем смоделировать ситуацию расторжения брака по инициативе супруги, намеревающейся оставить несовершеннолетнего сына в возрасте 11 лет по месту своего жительства, при этом супруг истицы не согласен ни на расторжение брака, ни на разлучение (фактическое, а впоследствии и формальное) с сыном. В данной ситуации жена выбрала по своему усмотрению форму и способ защиты своих семейных прав как супруга и мать одновременно, обратившись с исковым заявлением о расторжении брака в районный суд, поскольку есть спор о детях. Означает ли это, что ожидаемый истицей результат в виде удовлетворения иска станет эффективной мерой в контексте защиты прав и интересов других членов этой семьи, а именно: несовершеннолетнего сына и супруга истицы / отца общего несовершеннолетнего сына?

Как известно, законодатель не позволяет бесконечно долго сохранять статус супруга ответчику, поскольку истечение назначенного в соответствии со ст. 22 СК РФ срока для примирения обязывает суд расторгнуть брак, даже если один из супругов по-прежнему возражает против развода. Заметим, что при таком подходе законодателя явно превалирует интерес истца (в нашем примере – супруги / матери несовершеннолетнего), в то время как право ответчика на сохранение брака не обеспечивается. Безусловно, принудительное сохранение брака априори не допускается, поскольку одним из принципов семейного права является добровольность брачного союза, что предполагает свободное волеизъявление мужчины и женщины как на этапе заключения брака, так и в преддверии его расторжения. Однако расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, напрямую затрагивает интересы мужчины и женщины не только как супругов, но и как родителей. В связи с этим, на наш взгляд, расторжение брака супругов, имеющих общего несовершеннолетнего ребенка, при явном возражении одного из них по поводу расторжения брака оказывает существенное влияние на процесс осуществления последним своих семейных прав, причем одновременно в супружеском и родительском правоотношениях.

Прекращение статуса супруга выступает основанием возникновения нового правоотношения – между бывшими супругами, но при этом существенно изменяется и родительское правоотношение. Отметим, что бывший супруг может претендовать на определение места жительства ребенка с ним, при этом совершенно не исключен вариант удовлетворения судом такого требования, исходя из всех обстоятельств дела. Заметим, что при решении вопроса о расторжении брака алгоритм определения правовых последствий в сфере осуществления родительских прав и обязанностей установлен в ст. 24 СК РФ. В частности, при рассмотрении подобных споров суд обязан решить: а) с кем из родителей будут проживать несовершеннолетние дети после развода; б) с кого из родителей и в каких размерах взыскиваются алименты на содержание детей.

Представляется, что инициатива супруги в смоделированной нами ситуации по защите своих семейных прав может стать не только неэффективным способом защиты семейных прав ребенка, но и, наоборот, повлечь сложности в осуществлении несовершеннолетним своих семейных прав, в том числе права на общение с каждым из родителей.

Итак, решение вопроса об определении места жительства ребенка после расторжения брака между его родителями может быть предметом договоренности последних (предварительное соглашение или же мировое соглашение в рамках бракоразводного процесса) или осуществляется судом с последующей фиксацией в резолютивной части судебного акта.

При рассмотрении спора об определении места жительства ребенка суд должен учитывать мнение ребенка (ст. 57 СК РФ), при этом важно понимать, что это именно учет мнения, а не получение согласия как обязательного условия вынесения решения судом. Тогда возникает вопрос: в случае, если судом место жительства несовершеннолетнего определено с матерью, а сам ребенок выражает желание остаться с отцом, будет ли в данном случае судебная защита эффективной с позиции обеспечения интересов несовершеннолетнего?

Как уже отмечалось нами выше, некоторые новые «маркеры» были отмечены в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2024) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024). Учет мнения ребенка – это единственно возможное решение для полноценного и наилучшего обеспечения интересов ребенка, причем важно применять расширительное толкование правовой категории «учет мнения», то есть не просто заслушивать точку зрения и предпочтения несовершеннолетнего, а всесторонне исследовать аспекты психологического состояния ребенка, особенности возраста, привязанности к родителям, обстановке, которая сложилась в месте жительства отца или матери.

Судебная коллегия по гражданским делам ВС РФ, отменяя постановления судов апелляционной и кассационной инстанций по конкретному делу, свои доводы обосновывает положениями Конвенции ООН о защите прав ребенка, подчеркивая особую значимость понятия «наилучшее обеспечение интересов ребенка» как главной предпосылки при учете мнения ребенка при рассмотрении дел об определении места жительства несовершеннолетнего.

Согласно ст. 12 Конвенции о правах ребенка [1], ребенок, который способен формировать свою собственную точку зрения, должен обладать правом выражать эту точку зрения в любых ситуациях, где затрагиваются его интересы. Необходимо также учитывать, что в расчет должны браться и возраст, и зрелость ребенка. Соответственно, у несовершеннолетнего для реализации данных положений должна быть возможность быть выслушанным в любом судебном заседании, где будут рассматриваться споры, затрагивающие его собственные интересы. Суду же надлежит учесть мнение ребенка, достигшего возраста десяти лет, обязательно (ст. 57 СК РФ), поскольку спор родителей о расторжении брака напрямую затрагивает его интересы.

Пунктом 1 ст. 3 Конвенции о правах ребенка провозглашено, что «во всех действиях в отношении детей независимо от того, предпринимаются они государственными или частными учреждениями, занимающимися вопросами социального обеспечения, судами, административными или законодательными органами, первоочередное внимание уделяется наилучшему обеспечению интересов ребенка». Представляется, что при рассмотрении дела о расторжении брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд должен руководствоваться именно этим критерием, причем не только определяя место жительства ребенка после развода и размер алиментов, но и принимая меры по сохранению брака и семьи.

Следует согласиться, что проблема соотношения интересов каждого из родителей, находящихся в стадии расторжения брака, и интересов ребенка не только имеет место, но и в каждом конкретном случае предполагает установление судом соответствующих обстоятельств при исследовании взаимоотношений как между каждым из родителей и ребенком, так и между родителями непосредственно [10].

Очевидно, самым сложным по своему содержанию является такое оценочное понятие, как «интересы ребенка», что объективно исключает возможность формулирования единственной версии соответствующего понятия. О.Ю. Ильина, например, определяет интерес ребенка как «субъективно обусловленную потребность ребенка в благоприятных условиях его существования» [14]. Примечательно, что законодатель предлагает закрепить понятие интереса ребенка. Так, в одном из внесенных в Государственную Думу ФС РФ законопроектов [21]

рекомендуется зафиксировать следующую формулировку: «Интересы ребенка заключаются в создании ему условий, необходимых для его жизни и благополучного развития в соответствии с традиционными российскими духовно-нравственными ценностями». К числу важнейших интересов ребенка отнесены «крепкая семья и сохранение брака родителей, формирование и сохранение в глазах ребенка авторитета родителя, управление, руководство родителем ребенком и контроль над ним». В целом поддерживая государственную политику по возрождению традиционно-нравственных ценностей, в том числе и посредством установления соответствующих предписаний в семейном законодательстве, сформулированные в названном законопроекте предложения однозначно не могут быть приняты: фактически речь ведется о создании императивных рамок, которые не просто не способствуют реализации прав ребенка и обеспечению наилучших его интересов, но и даже в определенных случаях могут лишить его возможности защитить свои права.

И еще один момент, связанный с учетом мнения несовершеннолетнего при рассмотрении судом дела о расторжении брака родителей и решении вопроса об определении места жительства ребенка (ст. 57 СК РФ). Суд не связан этим мнением, оно лишь учитывается в совокупности с другими обстоятельствами дела. Согласимся, ребенок может руководствоваться эмоциями, находясь в стрессе, может не осознавать в полной мере происходящее и возможные правовые последствия в плане общения с каждым из родителей. Более того, как отмечает Л.Б. Максимович, «зачастую его мнение формируется родителем, с которым ребенок постоянно проживает и который оказывает на него мощное психологическое давление, а затем, при опросе ребенка в суде, навязанное родителем мнение выдается за мнение самого ребенка [16]. Совершенно справедливы утверждения о том, что не стоит признавать в такой ситуации обязательным получение согласия ребенка, достигшего возраста десяти лет, на проживание с одним из родителей [11]. Однако не стоит забывать о том, что несовершеннолетний в возрасте старше четырнадцати лет может самостоятельно определять место своего жительства (ст. 20 Гражданского кодекса Российской Федерации [3]), вследствие чего полагаем необходимым получать согласие на проживание с одним из родителей от ребенка, достигшего возраста 14 лет.

Заметим, что в настоящее время отмечается тенденция к увеличению количества судебных споров между родителями о порядке общения с ребенком, которая, по нашему мнению, частично обусловлена сложившейся судебной практикой. Полагаем возможным отметить следующее:

– во-первых, расторжение брака воспринимается как исключительно частное дело супругов, даже имеющих общих

несовершеннолетних детей. При этом игнорируются закрепленные в ст. 1 СК РФ принципы укрепления семьи, ответственности перед семьей всех ее членов;

– во-вторых, при определении места жительства малолетнего ребенка зачастую его мать или ее представитель апеллируют к Принципу 6 Декларации прав ребенка, который предполагает возможность разлучения матери с малолетним ребенком лишь при наличии исключительных обстоятельств. В связи с этим следует лишь приветствовать сделанный Верховным Судом РФ акцент на том, что «интересы ребенка и его психологическое состояние являются этими исключительными обстоятельствами», что не всегда учитывается судом;

– в-третьих, при решении вопросов, связанных с определением места жительства несовершеннолетнего после расторжения брака между его родителями, мнение ребенка зачастую учитывается формально без полной оценки всех обстоятельств, в том числе и условий формирования мнения несовершеннолетнего.

Очевидно, семья, в которой воспитываются несовершеннолетние дети, должна находиться в зоне повышенного внимания со стороны государства, а обеспечение интересов несовершеннолетних – в зоне особого внимания суда при рассмотрении дела о расторжении брака родителей.

Парадокс, но ст. 22 СК РФ предусматривает возможность назначения супругам примирительного срока лишь в том случае, если один из супругов возражает против развода. Следовательно, если оба супруга согласны на развод, но брак расторгается в суде лишь потому, что у них есть общий несовершеннолетний ребенок, суд не вправе назначить им срок для примирения. Полагаем, что такой подход к регулированию отношений, связанных с расторжением брака в суде, не в полной мере соответствует целям государственной семейной политики. В связи с этим считаем необходимым внести изменения в ст. 22 СК РФ «Расторжение брака в судебном порядке при взаимном согласии супругов на расторжение брака», изложив ее в следующей редакции:

«1. При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, имеющих общих несовершеннолетних детей, суд вправе принять меры к примирению супругов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 22 настоящего Кодекса. Супруги вправе представить на рассмотрение суда соглашение о детях, предусмотренное пунктом 1 статьи 24 настоящего Кодекса. При отсутствии такого соглашения либо в случае, если соглашение нарушает интересы детей, суд принимает меры к защите их интересов в порядке, предусмотренном пунктом 2 статьи 24 настоящего Кодекса.

2. При наличии взаимного согласия на расторжение брака супругов, указанных в пункте 2 статьи 21 настоящего Кодекса, суд расторгает брак без выяснения мотивов развода. Расторжение брака производится не ранее истечения месяца со дня подачи супругами заявления о расторжении брака».

На наш взгляд, назначение примирительного срока супругам, имеющим общих несовершеннолетних детей, станет дополнительной гарантией обеспечения эффективности судебной защиты прав и интересов всех членов данной семьи.

Список литературы

1. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 г.) (вступила в силу для СССР 15.09.1990 г.) // Сборник международных договоров СССР. Выпуск XLVI. 1993.

2. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации» (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023 г.) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 31.07.2023 г.) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

5. Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

6. Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 г. № 875 // СЗ РФ. 2023. № 48. Ст. 8560.

7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.11.1998 г. № 15 (ред. от 06.02.2007 г.) О применении судами законодательства при рассмотрении дел о расторжении брака [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/7783/> (дата обращения: 12.08.2024).

8. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 1 (2024) Утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.05.2024 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/33619/> (дата обращения: 12.08.2024).

9. Ильина О.Ю. Интересы ребенка в семейном праве Российской Федерации: монография. М.: Городец, 2006. 191 с.

10. Ильина О.Ю. Представительство интересов детей при рассмотрении судами дел о расторжении брака: конфликт объективного и субъективного // Роль адвоката в обеспечении эффективности судебной защиты: монография / под общ.ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2023. С. 78–83.

11. Ильина О.Ю., Рукавская О.А., Туманова Л.В. Некоторые психолого-юридические вопросы обязательного учета мнения ребенка, достигшего возраста десяти лет, при рассмотрении судами споров о его воспитании // Психология и право. 2022. № 3. С. 27–38.

12. Ильина О.Ю., Туманова Л.В. Правовые и психологические аспекты справедливости судебного решения // Психология и Право. 2023. № 4. С. 216–226.

13. Ильина О.Ю. Семейные ценности и ценность семьи: единство и борьба противоположностей // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 2 (78). С. 116–125.

14. Ильина О.Ю. Проблемы интереса в семейном праве Российской Федерации. М., 2007. 192 с.

15. Кокова Д.А. Перспективы укрепления роли нотариуса в процедуре медиации: сравнительно-правовой аспект // Нотариальный вестник Выпуск. 2023. № 08 (Август). С. 15–17.

16. Максимович Л.Б. Право ребенка на мнение: проблемы законодательства // Демидовский юридический журнал. 2024. Т. 14, № 1. С. 72–81.

17. Максимович Л.Б. Проблемы подсудности дел, возникающих из семейных правоотношений // Труды Института государства и права РАН. 2017. Т. 12, № 6. С. 186–201.

18. Малявина Н.Б. Проблемные вопросы расторжения брака с недееспособным в судебном порядке // Семейное и жилищное право. 2024. № 3. С. 9–12.

19. Михайлова Е.В., Виноградова Е.В. Судебная защита законных интересов как часть конституционных гарантий // Право и государство: теория и практика. 2021. № 2 (194). С. 183–186.

20. Нечаева А.М. Семейное право: актуальные проблемы теории и практики. М.: Юрайт-Издат, 2007. 280 с.

21. В Думу внесен законопроект, закрепляющий в Семейном кодексе понятие «интересы ребенка» [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/19786713> (дата обращения: 15.07.2024).

Об авторе:

КОКОВА Диана Аслановна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса ИПЭиФ Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова (360004, г. Нальчик, ул. Чернышевского, 173), SPIN-код: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

On the question of the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of minors

D.A. Kokova

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov, Nalchik

The author attempted to identify and examine some aspects characterizing the effectiveness of judicial protection in the context of ensuring the rights and interests of minors when courts consider disputes affecting their interests. In particular, the article examines the substantive and procedural rules to be applied when courts consider cases on the dissolution of marriage of spouses with common children. The author emphasizes that the absence of a dispute over determining the place of residence and the procedure for communicating with the parents (or one of them) during the dissolution of the parents'

marriage is often accompanied by a violation of the rights and interests of the child, in particular, the child's right to be heard in court, the right to communicate with each of the parents, etc. The conducted research allowed the author to draw a conclusion about the formal and actual priority of the rights and interests of the spouses-parents dissolving the marriage, and also to express doubts about the effectiveness of judicial protection of the rights and interests of the child when courts consider cases on the dissolution of the marriage of his parents.

Keywords: *family legal relations, interests of the child, effectiveness of judicial protection, disputes about children, dissolution of marriage.*

About author:

KOKOVA Diana – PhD in Law, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov (360004, Nalchik, Chernyshevsky St., 173), SPIN-code: 4452-2498, AuthorID: 979544, e-mail: d.kokowa@yandex.ru

Кокова Д.А. К вопросу об эффективности судебной защиты прав и интересов несовершеннолетних // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 3 (79). С. 105–115.

Статья поступила в редакцию 12.08.2024 г.

Подписана в печать 23.09.2024 г.